

Ю. А. Романов
(Харьков)

ПАМЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Мое знакомство с Р. Г. Назировым состоялось в Нью-Йорке на X-м Международном Симпозиуме по творчеству Достоевского в конце июля 1998 года. Для меня, молодого исследователя из Украины, поездка в Америку давала возможность увидеть, а при случае и лично познакомиться с теми людьми, чьи литературоведческие работы я мог тогда лишь читать, никогда не надеясь встретиться с

ними лично. Ромэн Гафанович как раз и был одним из них. На симпозиуме у нас был с ним один небольшой разговор, содержание которого я считаю своим долгом теперь передать.

По счастливой случайности, перед началом работы одной из секций мы сели рядом, и лишь в процессе «сидения» до меня вдруг дошло, что это же тот самый Назиров, чью книгу «Творческие принципы Достоевского» я еще так недавно читал и перечитывал просто взахлеб.

Спонтанно я начал высказывать свои впечатления о его книге, о том, что в своих работах, посвященных исследованию «подполья», я ссылаюсь на его мысли, поскольку они совпадали с моими, в особенности, на главу «Наполеон из подполья» (где говорится о том, что «подполье» является «исходной ситуацией» не только для Раскольникова - аналогичные ситуации переживают Ипполит в романе «Идиот», Кириллов и Шатов в «Бесах», Аркадий Долгорукий, ростовщик в «Кроткой» и Иван Карамазов). Помню, я упомянул, что считаю совершенно справедливым утверждение Ромэна Гафановича о том, что Раскольников «вторгается в жизнь... с топором в руках». Также я показал свои листы с цитатами из «Преступления и наказания», которые свидетельствовали (на мой взгляд) о том, что Раскольников несомненно обладает «подпольными» чертами. В этом охватившем меня сумбуре мне, кажется, все-таки удалось вставить два слова о том, кто я и откуда приехал ...

Узнав, что приехал я из Харькова, вежливо слушавший меня Назиров вдруг более внимательно посмотрел на меня, взгляд его, как мне показалось при этом, несколько потеплел, и его молчание прервалось. Он сказал мне, что Харьков - не чужой ему город, что его родственники жили в нем, и что он сам даже в нем родился. Этому я был искренне удивлен, а он был удивлен тому, как это я смог приехать в Нью-Йорк. Выслушав, какие трудности мне пришлось для этого преодолеть, он сказал, что у него, напротив, все было относительно просто, и что он очень доволен - билеты на самолет доставили прямо домой.

Секция начала работу, а Ромэн Гафанович все просматривал мои листы с цитатами из «Преступления и наказания» с раскольниковскими «подпольными» чертами. Мне даже показалось, что пару раз он одобрительно при этом кивнул.

Наш разговор продолжился во время перерыва. Ромэн Гафанович сказал, что отличительной чертой «подполья», на его взгляд, является эстетизация безобразного - «красота мерзости», посредством которой «подпольный» герой спасался от пошлости обыденного бытия. Про себя я не без гордости с этим согласился: ведь еще задолго до встречи с Назировым и меня не раз посещали сходные мысли, только выражал я их несколько по-иному.

Затем разговор зашел об Украине, было видно, что он проявляет живой интерес, и жизнь в Харькове ему не безразлична. Помнится, он назвал улицу, на которой жили его родственники (если не изменяет память - улица Плехановская, а также район - недалеко от Конного рынка), и спросил, сохранилась ли эта улица, не переименовали ли ее. Я успокоил, что все у нас в этом отношении по-старому, все - как и прежде, и мне показалось, что он был удовлетворен (справедливости ради, хочу отметить, что название улицы и района требуют уточнения, не могу поручиться, что привожу эти названия точно, но то, что улица, где жили его родственники, существует и поныне - сомнений нет).

Вдруг он попросил меня перевести на украинский язык одно слово - «разнообразие», я тут же перевел - «розмаїття», и я помню, что ему это было очень важно в тот момент, хотя, казалось, не имело никакого отношения к разговору. Впоследствии, уже не раз вспоминая эту деталь, я все думал, зачем он у меня об этом спрашивал тогда: уж очень интересно, о чем это он думал в тот момент, и зачем ему понадобился перевод на украинский этого слова. Теперь, конечно, ничего уже не узнаешь, но я до сих пор жалею, что просто постеснялся спросить его об этом тогда.

Потом я стал рассказывать ему о том, как искренне люблю творчество Достоевского, о том, что еще со студенческой скамьи занимаюсь проблематикой «подполья», пишу диссертацию, с трепетом отношусь к этой работе и, наконец, о том, что мне будет сложно справиться с волнением, если дело все-таки дойдет до защиты. Выслушав все это, мудрый Ромэн Гафанович дал мне один совет, который, думаю, не лишне услышать любому молодому исследователю. Он мне сказал, что перед защитой нужно хорошенько выспаться, принять душ, побриться, надеть чистую рубашку, галстук, лучший костюм и совершенно спокойно, будучи абсолютно

уверенным в своей научной правоте, защищать свои взгляды перед кем бы то ни было.

©РомановЮ. А., 2014